

Визг тормозов заставил всех резко податься вперёд, а затем с силой отбросил обратно на спинки сидений.

— Что это было?! — истошно завопил оператор.

Бледный как полотно, он буквально вывалился из машины и принялся затравленно озираться по сторонам.

— Куда делся тот деревенский? Он же только что бежал за нами!

Разбуженный этим криком Ли Ифэй даже глаз открыть не успел, а уже принялся яростно ругаться:

— Какого чёрта вы орёте? Дайте поспать! В этой глухомани нам больше и вздремнуть нормально не удастся!

Оператор и ассистент Чэнь уже стояли на обочине. Смертельно бледные, они испуганно шептались, не сводя полных ужаса глаз с участка дороги позади минивэна.

Наблюдая за ними, Ли Ифэй нахмурился. Он накинул джинсовую куртку, вышел из салона и недовольно спросил:

— Ну и что тут стряслось?

Чэнь повернул к нему искажённое страхом лицо и дрожащим пальцем указал во тьму:

— Там... там за нами бежал старик! У него голова... голова была вывернута задом наперёд!

Оператор судорожно сглотнул и закивал, заикаясь от испуга:

— Да-да! Именно там!

— Какой ещё старик? — раздражённо фыркнул Ли Ифэй, оглядываясь по сторонам. — Вы что, блин, пересмотрели своих ужастиков на съёмках? Мы ехали под полсотни километров в час. Какой старик сможет соревноваться в скорости с машиной на горной дороге?

— Эта тварь двигалась невероятно быстро, — подал голос вышедший из салона Нань Цзин. Его лицо оставалось абсолютно спокойным. — Я тоже его видел.

Ли Ифэй закатил глаза:

— Что за бред.

Ли Ифэй давно затаил злобу на Нань Цзина. Стоило тому спасти режиссёра Юя, как после выписки он прицепился к нему мёртвой хваткой. Ходил хвостиком, буквально не отступая ни на шаг. Но хуже всего было то, что вечно холодный и неприступный Юй Аньянь, похоже, благосклонно принимал эту навязчивость — он даже выделил Нань Цзину роль в своём новом фильме.

Семья Юй славилась баснословным богатством, да и сам Аньянь обладал незаурядным режиссёрским талантом. Получить главную роль в его картине для Ли Ифэя означало вытащить счастливый билет и обеспечить себе блестящее будущее.

И тут под ногами путается этот Нань Цзин — мелкий актёришка без капли опыта, который чисто случайно оказался в нужное время в нужном месте. И ладно бы просто мелькнул на заднем плане, но режиссёр Юй раз за разом переписывал сценарий, добавляя его персонажу ярких сцен! Ещё немного, и этот выскочка затмит самого главного героя.

От этих мыслей у Ли Ифэя внутри всё закипало. Он смерил стоящего неподалёку Нань Цзина полным неприкрытой ненависти взглядом.

Нань Цзин, поправив лямку рюкзака, безучастно посмотрел на него и ровным голосом произнёс:

— Они не идиоты. Мы действительно видели старика. И они, и я говорим правду. А вот ты — непроходимый тупица.

— Ах ты тварь... — Ли Ифэй взвился, лицо его исказилось от ярости. Он шагнул вперёд, замахиваясь для пощёчины.

Нань Цзин перехватил его руку в воздухе и с нажимом повторил:

— И лезть сейчас в драку — ещё глупее.

Юй Аньянь, дремавший в салоне, почувствовал неладное. Машина не двигалась. Он медленно открыл глаза, сощурившись от царящего снаружи полумрака, и понял, что они застряли посреди горного серпантина.

Вглядевшись сквозь запотевшее стекло, он заметил, что вся команда собралась снаружи. Похоже, назревал конфликт.

Оператор и ассистент Чэнь испуганно жались друг к другу, пока взбешённый Ли Ифэй пытался накинуться на Нань Цзина. Но тот действовал на опережение: ловким, отточенным движением заломил противнику руку и прижал его к капоту, словно заправского преступника.

При виде этой сцены уголок губ Аньяня невольно пополз вверх, отчего крошечная алая родинка у внешнего угла его правого глаза едва заметно сместилась. Впрочем, он тут же вернул лицу бесстрастное выражение и толкнул дверцу машины.

Все четверо стояли у правого борта минивэна.

Заметив появление режиссёра, Ли Ифэй мгновенно прекратил сопротивление. Густо покраснев от стыда, он уставился в землю и прошипел сквозь зубы:

— Нань Цзин,пусти меня! Живо!

Тот сверху вниз посмотрел на буяна:

— Признай, что тупица здесь только ты, а мы говорим правду, и я отпущу.

— Да как ты... — задохнулся от злости Ли Ифэй.

— Ладно тебе, он действительно придурок, — небрежно бросил подошедший Юй Аньянь, слегка коснувшись плеча Нань Цзина. — Отпусти его.

Ли Ифэй так и вспыхнул от унижения, но возразить режиссёру не посмел.

Нань Цзин ещё секунду сверлил его взглядом, оценивая готовность продолжить драку, после чего разжал пальцы.

— Что здесь происходит? — спросил Юй Аньянь.

Нань Цзин повернулся к нему. Фигура юноши тонула в наползающем тумане. С предельно серьёзным видом он ответил:

— Мы столкнулись с чертовщиной. За машиной гнался какой-то жуткий старик. Режиссёр Юй, я настоятельно рекомендую развернуться и уехать отсюда.

— Нань Цзин прав, — бледный как смерть оператор бросил трусливый взгляд назад. — Эта тварь едва не настигла нас.

Ассистент Чэнь покосился на помрачневшего Ли Ифэя и робко пролепетал:

— Может... может, нам просто померещилось в тумане?

«Призрак?»

Юй Аньянь нахмурился и вгляделся в ту сторону, куда они указывали. Плотная серая пелена скрывала всё вокруг. Даже следовавшие за ними машины съёмочной группы бесследно исчезли.

Горные серпантины коварны сами по себе, а при такой видимости дистанцию между автомобилями приходится увеличивать в разы, так что потерять друг друга из виду — дело обычное. Но даже если отставание составляло полкилометра, за время их вынужденной стоянки хвост колонны уже должен был показаться.

Юй Аньянь прижал согнутый палец к подбородку, раздумывая. Спустя пару секунд он перевёл взгляд на Нань Цзина и скомандовал оператору:

— Разворачиваемся. Едем назад. В таком молоке всё равно ничего не снимешь. Завтра дождёмся хорошей погоды, наймём местного проводника и повторим попытку.

Облегчённо закивав, оператор пулей бросился в кабину.

Перед тем как залезть в салон, ассистент Чэнь испуганно оглянулся. Туман сгущался, превращаясь в непроницаемую стену, за которой могло скрываться всё что угодно. Вздвогнув от озноба, он поспешно скрылся внутри.

Ли Ифэй раздражённо хмыкнул, поправил сползшую куртку и полез следом. Из-за сорванной смены они теряли драгоценное время, поэтому он не удержался и снова тихо буркнул под нос: «Придурок чеканутый», целясь в Нань Цзина.

Нань Цзин одарил его ледяным взглядом. Ли Ифэй тут же вжал голову в плечи, услышав, как юноша отчётливо, по слогам отчеканил ему в ответ:

— Сво-лочь.

Ли Ифэй только зубами скрипнул.

«Какая же мстительная тварь!»

Нань Цзин уже занёс ногу, чтобы сесть в машину, как вдруг его прошил леденящий душу холод. Сине-черный кувшин, который ему передали телохранители семьи Нань, внезапно заледенел прямо в рюкзаке. Этот холод легко преодолел плотную ткань и коснулся спины.

Юноша был одет в лёгкую чёрную футболку и просторные брюки, так что ледяная волна заставила его гибкую поясницу мелко задрожать.

Он резко обернулся. На долю секунды ему показалось, что позади минивэна мелькнул неясный тёмный силуэт, но туман тут же поглотил его.

Заметив, что попутчик замер на подножке, Юй Аньянь обернулся с переднего сиденья и нахмурился:

— Что-то не так?

Нань Цзин покачал головой и забрался внутрь.

— Показалось, что в тумане кто-то есть. Наверное, просто глаза устали.

Он помнил предупреждение отца и брата: Аньянь ни в коем случае не должен видеть кувшин, иначе его жизни будет грозить смертельная опасность. Нань Цзин решил промолчать о своей странной ноше.

Услышав про тень, оператор вздрогнул. Судорожно вздохнув, он дождался, пока все пристегнутся, и выжал сцепление, но машина даже не шелохнулась.

Ещё минуту назад исправный минивэн наотрез отказывался подчиняться. Стартер крутил вхолостую, двигатель упорно не заводился.

Нань Цзин настороженно посмотрел назад, сквозь заднее стекло всматриваясь в наползающую на серпантин хмарь. Их собственный след уже растворился в белёсой мгле. С наступлением сумерек туман становился всё гуще, укутывая горы зловещим саваном.

Дрожащие губы оператора посинели. Не смея пошевелиться, он раз за разом поворачивал ключ в замке зажигания:

— Да что за чертовщина?! Почему она не заводится?!

Бледный как смерть Чэнь судорожно полез в карман за сигаретами, пытаясь унять дрожь.

— Не смей! — Нань Цзин резким ударом выбил сигарету из его рук и отобрал зажигалку. Юноша принюхался: в воздухе отчётливо пахло бензином, и этот запах стремительно усиливался. — Быстро на улицу! У нас течь!

— Течь? — опешил оператор. — Да быть не может, я её совсем новенькой арендовал!

Юй Аньянь среагировал мгновенно. Пока Нань Цзин тянулся к ручке двери, режиссёр уже распахнул свою и скомандовал застывшей троице:

— Живо наружу!

Вся компания горохом высыпала на дорогу.

Предчувствия их не обманули: из пробитого без видимых причин бака хлестал бензин, стремительно растекаясь лужей под днищем и заполняя воздух едким испарением.

Юй Аньянь рванул багажник. Общими усилиями они вытащили тяжёлые кофры с дорогостоящей киноаппаратурой и торопливо оттащили их на безопасное расстояние.

На глухом горном серпантине утечка топлива — верная смерть. Не среагируй Нань Цзин вовремя, любая случайная искра от зажигалки разнесла бы минивэн на куски вместе со всеми пассажирами.

Они стояли на обочине, подставляя лица ледяному ветру, и никак не могли унять дрожь от пережитого страха. Минуту пять, затем десять, но спасительные фары отставших коллег так и не появились. Туман сгустился окончательно, превратившись в плотную завесу, сквозь которую начал сеять мелкий, колючий дождь. Единственным ориентиром оставалась серая лента асфальта, уходящая в неизвестность.

Оператор и ассистент онемели от ужаса. Они лихорадочно тыкали в экраны телефонов, но на дисплеях упрямо загорались красные восклицательные знаки отсутствия сети.

Даже вечно вспыльчивый Ли Ифэй притих, осознав всю тяжесть их положения. Он угрюмо переминался с ноги на ногу.

Лицо Юй Аньяня потемнело. Он всматривался в белёсую мглу, плотно сжав губы. В его обычно надменном взгляде сквозила глубокая тревога.

И лишь Нань Цзин сохранял абсолютное хладнокровие.

Убедившись, что подмоги не будет, а связь мертва, режиссёр подхватил тяжёлый кофр. Тёмные брови сошлись на переносице, алая точка у глаза словно заострилась. Взглянув на циферблат часов, он глухо скомандовал:

— Идём пешком. Попробуем вернуться по дороге назад.

Пятеро путников молча потащили тяжёлую поклажу по бесконечным виткам серпантина, который, казалось, превратился в замкнутый круг.

Ли Ифэй, плетущийся с опущенной головой, вдруг вскинул взгляд и радостно вскрикнул:

— Смотрите! Там свет!

Остальные приободрились и прибавили шаг. Однако, когда они наконец разглядели источник свечения, радость мгновенно испарилась.

Перед ними лежал въезд в какую-то деревню. У дороги высилась каменная стела с покачивающимся на ней тусклым жёлтым фонарём. На камне были высечены три иероглифа: «Деревня Одинокого Дракона».

Не случись той чертовщины на дороге, они бы вздохнули с облегчением. Но сейчас... Ведь они шли строго в обратном направлении! Как они могли выйти к конечной точке маршрута? Казалось, невидимая злобная сила намеренно загнала их в эту глушь.

— Нет! Я не хочу здесь подышать! — Чэнь окончательно потерял рассудок. Бросив вещи, он вцепился себе в волосы и с диким воплем бросился назад, в туманную пелену.

Но не прошло и полуминуты, как он вылетел с противоположной стороны дороги. Осознав это, несчастный рухнул на колени и забился в истерике:

— За что?! Ну почему?! Я же бежал в другую сторону! Почему отсюда нельзя вырваться?!

Юй Аньянь молча достал из портсигара тонкую сигарету и прикурил.

Серый дым окутал его бледное лицо, скрывая алую родинку у глаза. Высокий, под метр восемьдесят, широкоплечий и статный, он обладал той породой надменной уверенности, которая в критические минуты невольно заставляет людей искать у него защиты.

— Я здесь режиссёр, — ровным, холодным тоном произнёс Аньянь. — И я вытащу вас отсюда. Но знайте: если запахнет жареным, под удар первым встану я. И умру тоже первым.

Ли Ифэй отвернулся, промолчав.

В актёрских кругах давно ходили мрачные слухи о молодом режиссёре, на которые он раньше не обращал внимания.

Поговаривали, будто Юй Аньянь родился под крайне несчастливой звездой. Словно небеса, наделив его богатством и статусом наследника великой империи Юй, взамен лишили всякой удачи. Мальчик рос болезненным, а в восемь лет едва не угас от загадочного недуга.

Его отец, всемогущий магнат Юй Хун, не жалел средств и привлекал толпы лекарей, магов и гадателей, чтобы продлить жизнь сыну. Однако шарлатаны лишь вредили ребёнку, из-за чего Аньянь возненавидел всю эту оккультную братию и отдалился от отца, несмотря на

безграничную родительскую любовь.

Ходили сплетни, будто один из приближённых к семье мастеров вынес страшный приговор: Юю Аняню суждена «судьба девственного отрока». Природа одарила его гениальностью, красотой и богатством, но отмерила всего двадцать три года жизни.

А ведь в этом году ему как раз исполнилось двадцать три. И до двадцать четвёртого дня рождения оставался ровно месяц.

«Неужели предсказание сбывается?» — со страхом и затаённой злобой подумал Ли Ифэй.

«Но почему из-за его проклятия должен страдать я? Я ведь только начал восхождение к славе! Моя жизнь бесценна, в отличие от этого отребья Нань Цзина!»

Тем временем из темноты навстречу им двинулись люди. Они шли неверной, дёрганой походкой, их бледные лица отливали синевой, но они изо всех сил пытались казаться живыми.

Нань Цзин, внимательно следивший за их приближением, резко обернулся к спутникам и зашептал:

— Мы должны вести себя так, будто приехали на съёмки, как и планировали. Сейчас они ведут себя как обычно. Не важно, люди они или призраки, — мы не должны нарушать их иллюзию. Если они поймут, что мы раскусили их, случится беда.

— В народе это называют «потревожить мертвеца». Упокоенные души часто не осознают своей кончины. Но если разрушить их морок, они очнутся и из чистой злобы погубят нас.

Договорить он не успел. Из тумана к ним вышел сухопарый старик в просторном белом балахоне.

Его изрезанное глубокими морщинами лицо отливало мертвенной синевой. В руке он держал горящую красную свечу. Свеча была необычной: несмотря на завывания ветра и крапывающий дождь, пламя даже не колыхалось, словно намертво застыв на фитиле, припаянном к железному подсвечнику.

За его спиной безмолвной стеной выстроились молодые мужчины. На их застывших лицах не отражалось ни единой эмоции, лишь пустые глаза мертвой хваткой впились в незваных гостей.

Старик остановился напротив них:

— Я староста деревни Одинокого Дракона. Вы те самые кинематографисты, что собирались у нас снимать?

Юй Аньянь сдержанно кивнул, не выдавая своего волнения.

Ассистент Чэнь, помня предостережение Нань Цзина, поспешно зажал рот ладонью, сдерживая рыдания, а Ли Ифэй и оператор судорожно сглотнули.

Староста бесстрастно указал на возвышающееся в отдалении трёхэтажное здание:

— Это наше главное святилище, местный буддийский храм. Мы освободили часть помещений для приезжих. Вы расположитесь на втором этаже.

— Сейчас у нас свободны четыре маленькие комнаты и одна большая. Остальные заняты под нужды деревни, но вам как раз хватит. В маленьких сыровато, в большой поуютнее. Правда, в большой комнате и в одной из маленьких стоят алтари. На них покоятся кувшины с прахом святых, которых почитает наша община.

— По нашим законам каждый гость должен занимать отдельную комнату. Совместное проживание неженатых пар приносит несчастье. Распределяйте места сами.

В глазах Юй Аньяня мелькнул опасный огонёк. Пять комнат на пять человек — идеальное совпадение, будто мертвецы заранее знали размер их группы.

— Чур, я беру обычную маленькую комнату! Без алтарей! — тут же выпалил Ли Ифэй.

Поймав на себе косые взгляды, он фальшиво кашлянул, но сразу же добавил тоном, не терпящим возражений:

— У меня чувствительная кожа, мало ли на что начнется аллергия. Вдруг от этих подношений сыпь пойдет.

Кому захочется спать под боком у мёртвого праха? В шаге от гибели авторитет режиссёра не стоил и гроша.

Оператор тоже хотел урвать безопасный угол, но лишь мялся и отводил взгляд.

— Я займу большую комнату, — взял инициативу в свои руки Юй Аньянь. — Кому достанется вторая комната с алтарём?

В обычной жизни за право оказаться в одной комнате с Аньянем молодые актёры и актрисы устроили бы настоящую грызню. Наследник миллиардного состояния, именитый режиссёр, лауреат престижных премий, да ещё и редкий красавец — упустить такой шанс было бы безумием.

Но сейчас все молчали. Оператор прятал глаза, Ли Ифэй уже обеспечил себе безопасность, а несчастный Чэнь едва соображал от ужаса.

Нань Цзин оглядел притихшую компанию и спокойно произнёс:

— Я займу маленькую комнату с алтарём.

Юй Аньянь удивлённо приподнял бровь, отчего родинка у глаза скользнула вверх. Смерив юношу долгим взглядом, он коротко бросил:

— Хорошо.

На лице оператора мелькнула трусливая радость, которую он поспешил скрыть.

Спутники последовали за старостой вглубь деревни. Убежище и впрямь оказалось лучшим во всей округе. На фоне покосившихся, полуразрушенных глинобитных лачуг, едва пригодных для жизни, это величественное трёхэтажное здание выглядело настоящим дворцом. Построенное в классическом стиле старинных буддийских храмов, оно красовалось изогнутыми карнизами крыш, покрытых яркой черепицей, и массивными колоннами, покрытыми красным лаком.

Первый этаж служил трапезной. Миновав его, гости поднялись на второй.

Планировка представляла собой замкнутую галерею, образующую квадрат с пустым пространством посередине. Сразу у центральной лестницы тянулся длинный коридор с дверями, а справа притаились узкие деревянные ступени, ведущие на третий этаж.

— Ваши комнаты, — староста указал на двери, расположенные ближе всего к лестнице наверх. Его голос звучал зловеще.

Нань Цзин опустил взгляд. Возле четырёх дверей, отведённых им, прямо на полу стояли странные подношения: пиалы, доверху наполненные белым рисом, каменные курильницы и тускло мерцающие красные свечи. Всё это до боли напоминало поминальные дары для усопших.

Заметив это, Ли Ифэй вспыхнул и гневно выкрикнул:

— Зачем вы выставили этот хлам у наших дверей?!

Староста медленно повернулся. Его губы растянулись в жуткой, лишённой жизни усмешке:

— Это для обряда, который состоится через два дня. Таковы наши законы. Раз уж легли спать в

деревне Одинокого Дракона, извольте чтить здешние порядки.

— Что ещё за обряд? — прищурился Нань Цзин.

Староста окинул его долгим взглядом. В неверном свете свечи его высохшее лицо походило на маску смерти:

— Чужакам знать не положено. Это дело нашей общины. Сейчас все заняты подготовкой. Еда — на первом этаже, постели — на втором. Нам некогда с вами нянчиться.

Он дошёл до выхода на галерею, но вдруг замер и обернулся с ледяной ухмылкой:

— И последнее. Дам вам два совета. Во-первых, следите за красными свечами. Ни одна из них не должна погаснуть. Если пламя умрёт, случится непоправимое.

— Во-вторых... никогда не поднимайтесь на третий этаж.

Ночь окончательно вступила в свои права. Второй этаж тонул во мраке, разгоняемом лишь тусклым багровым свечением поминальных свечей. Из раскрытых окон тянуло могильным горным холодом, пробирающим до самых костей.

Староста растаял во тьме.

Ли Ифэй с перекошенным лицом толкнул ближайшую дверь и тут же грязно выругался. Внутри стоял массивный алтарный стол, уставленный догорающими красными свечами и исходящий густым дымом благовоний.

Воздух в комнате был тяжёлым и спёртым — окно приоткрыли лишь на крошечную щёлку. От удушливого аромата сандала мгновенно перехватывало дыхание.

Но самым жутким было другое: на вешалке в углу висело алое свадебное платье. Эта тесная каморка у самой лестницы как раз и предназначалась для Нань Цзина.

Юй Аньянь приоткрыл дверь в свою просторную комнату — там царил такой же удушливый чад, от которого кружилась голова. Единственным отличием было отсутствие подвенечного наряда.

Красное свадебное платье в таком Богом забытом месте не предвещало ничего хорошего. Ли Ифэй, смекнув, кому досталась эта жуть, злорадно ухмыльнулся.

Юй Аньянь, заметив наряд, нахмурился. Его дорогие кожаные ботинки глухо застучали по

деревянными половицами. Подойдя ближе, он кивнул на комнату Нань Цзина и негромко предложил:

— Нань Цзин, давай поменяемся комнатами.

Юноша молча закатил свой чемодан внутрь и спокойно ответил:

— Всё в порядке. Я парень, так что свадебное платье мне ничем не грозит.

— К тому же я немного разбираюсь в подобных вещах. Так что лучше мне остаться здесь.

<http://bllate.org/book/19041/1906161>